

От автора

*«Нет зрелища прекраснее,
чем человеческое счастье».*

Геннадий Шпаликов

Страницы книги с таким интригующим названием содержат пятнадцать (а точнее, шестнадцать) любовных историй. Почти все они — за единственным исключением — не вымышленные, а реальные. И заимствованы из отечественной культуры, вернее сказать — поэзии. Говоря проще, перед читателем биографическая книга особого рода, дающая возможность взглянуть на судьбы русских поэтов с неожиданного угла зрения. Биографической ее позволяет назвать строгое следование фактам, которое автор вменяет себе в профессиональную обязанность. При этом очевидно, что традиционный биографический сюжет не выдерживается, распадается благодаря фрагментарности повествования и подмене хронологического принципа тематическим. Всё это не столь важно, потому что каждая из представленных историй, с одной стороны, претендует на статус небольшого романа, с другой — существует по поэтическим законам: и сама по себе как вполне законченное произведение, и внутри цикла, и как часть большой вселенной, в которую разворачивается вся книга. Писать ее было иногда интересно и занимательно, а иногда — мучительно грустно.

Когда эта книга задумывалась, она выглядела иначе. По замыслу она должна была описывать любовь в соответствии с определением Бернара де Фонтенеля — как «самое утреннее из наших чувств», как источник вдохновения, высшую точку реализации творческой энергии, смысл и цель любой поэтической вселенной, да и всей человеческой жизни. Герои этой книги, люди самой тонкой душевной организации, живущие в непрерывном эмоциональном напряжении, обладающие страстным темпераментом, были способны не только в полной мере испытать, но и воспеть силу и красоту вечного чувства, зафиксировать в стихах ускользающие «свойства страсти», поймать неуловимую гармонию. О ней и замышлялось рассказывать.

Но за время работы над книгой ее содержание изменилось до неузнаваемости — не только жизнь, но и сам материал продиктовал эту перемену. В творческом восприятии мира, наряду с перечисленными, есть и еще одно родовое свойство — болезненность, дисгармоничность. И чем глубже и значительнее внутренний мир поэта, тем больше его раскачивает «у бездны мрачной на краю», тем меньше у него шансов на личное счастье. Противопоставляя поверхностному бездуховному здоровью всегда обращенную вглубь человеческого существа болезнь, Томас Манн писал в «Волшебной горе»: «...В духе, в болезни заложены достоинство человека и его благородство; иными словами: в той мере, в какой он болен, в той мере он и человек». Что уж говорить о поэтах! Прибавим к этому неминуемый эгоизм, без которого невозможно представить жизнь творческой личности, естественную и очень понятную сосредоточенность на себе, острое ощущение вектора своего пути, которое почти всегда расходится с практическими и разумными представлениями близких, — и станет очевидным, что любовь в жизни поэта носит скорее трагический оттенок и редко бывает окрашена в радужные цвета. Как и любовная лирика, которая зачастую вмещает страшный душевный опыт.

Обывательские восторги, как правило, сопровождающие легендарные романы, лишены реальной почвы; не имеющие отношения к действительности формулы («Какая красивая любовь!») нисколько не описывают происходящего; представления о счастливых развязках лишены фактического основания. Не вызывает сомнений, что Блок всю жизнь с самой юности, почти с детства, любил Любовь Дмитриевну Менделееву и был любим ею взаимно. Но можно ли назвать счастьем их рано заключенный брак? Конечно, Ходасевич был страстно влюблен в красавицу Нину Берберову, сломал из-за этого жизнь нежно ему преданной жене, но сделал ли он счастливой свою возлюб-

ленную и был ли сам счастлив? Очевидно, что Ахматова сильно и глубоко любила Николая Пунина, пожертвовала ради этой любви своей независимостью, смирилась с унижительным положением полужены-полулюбовницы — и получила, по крайней мере, десятилетие поэтической немоты и испытала острую радость в момент разрыва. Да и трудно подыскать примеры иного рода.

Такой и получилась эта книга. Она рассказывает не о «бесконечном счастье» любви, а о ее «муке жалищей», не о воплощенных надеждах, а о их полном провале, не о гармонии и спокойствии, а о вечном стремлении к новому поэтического духа, о его болезненной двойственности, о его катастрофической ненасытности. Любовь в ней идет рука об руку с предательством, изменой, распадом, внутренней несвободой, тяжелым разочарованием, трагическим исходом. Умиротворенных взаимным счастьем пар, так уж получилось, здесь нельзя отыскать. Но зато речь пойдет о чувствах такой невероятной интенсивности, о таком высоком накале страсти, что порой можно содрогнуться: «Когда любит поэт, влюбляется бог неприкаянный». Те мучения, которым творческие личности умеют подвергать своих близких, совсем иного рода, чем те, что сопровождают романы обычных людей. Самолюбование идет здесь об руку с вечной неудовлетворенностью собой, беззастенчивая ложь лишь оттеняет убийственную правдивость, и во всем видно искреннее, а не театральное стремление выпрыгнуть за пределы скудного земного существования и удержать в руке вечность. На короткий период это кое-кому удавалось.

Структура книги очень проста. Истории тех, кто волею автора попал в число ее героев, объединены между собой по некоторому сходству. Из них составляются главы. Каждая глава включает три любовных эпизода: два из них близки по времени, часто связаны между собой событийно или психологически и представляют легко предсказуемую пару. Третий намеренно выбирается из другой, более поздней эпохи, иного мирозерцания, подсвечивая описанное ранее почти точным сюжетным повтором. Меняются времена, меняется социальный строй, меняются запросы личности, но трагедия любви и смерти остается неизменной. И только в одной главе ситуация «двое в присутствии третьего» оказывается размыта (или, может быть, подтверждена) включением четвертого эпизода, литературного. Уж очень велик был соблазн соединить с жизненным материалом историю вымышленного персонажа, героя большого романа, тоже поэта. Этот очевидный композиционный перекося читатель будет вынужден простить автору, вполне сознающему соб-

ственное несовершенство. Но поскольку несовершенство человеческой личности и есть главная тема этой книги, то каким образом она сама могла оказаться совершенной? Дисгармоничность содержания естественно отражается в ее структуре.

Есть в книге и совсем другие фрагменты: это включенные в виде приложений к каждому сюжету (опять-таки за одним исключением) поэтические или прозаические тексты, имеющие непосредственное отношение к описанным событиям и лицам. В отличие от обстоятельств своих собственных биографий, с которыми поэты никак не могли сладить и в которых зачастую совсем не чувствуется музыки высших сфер, они умудрились создавать совершенные и гармоничные произведения, отчасти примиряющие нас с трагическими надрывами их реальных судеб. Такому преображающему жизнь свойству искусства будет посвящено несколько слов в главе о любви Юрия Живаго.

Я благодарю издательство «Молодая гвардия» за идею и предложение написать эту книгу.

P.S. О названии

Метаморфоза, которую претерпело за время работы над книгой ее содержание, повлекла за собой и еще одну, очень существенную, перемену. О ней необходимо сказать несколько слов. Первоначальный вариант названия, записанный даже в договоре между автором и издательством, звучал совсем иначе. Книгу планировалось назвать известной строчкой из песни Окуджавы: «Часовые любви». Под этим именем книга существовала всё то время, пока вынашивалась и рождалась. В каком-то смысле речь здесь действительно пойдет о «смене часовых»: уходят времена, приходят новые, меняются культурные коды, способы выражения мыслей, виды деятельности, а любовь существует всё в том же обличье, бесконечно призывая новобранцев, требуя честной и беспорочной службы. Однако романтический мотив, который, благодаря голосу Булата Шалвовича, невольно слышится в сочетании «часовые любви», по мере написания текста стал восприниматься не только избыточно, но даже фальшиво. Так книга сама потребовала переименования, и автору пришлось пойти у нее на поводу.

Я не держу. Иди, благотвори.
Борис Пастернак

Эту главу можно было бы назвать иначе — «Отказ во благо» или «В вертеровском духе». Речь в ней пойдет о совершенно особом типе сознания, рожденном сентименталистской эпохой и именно тогда укоренившемся в литературе. Глубоко чувствующий поэт, которому на роду написано жить только своей любовью и ради своей любви, отрекается от нее во имя высшей цели, например, гипотетического счастья возлюбленной или спасения ее от предполагаемого несчастья. Однако литература и жизнь — разные вещи, и опасность перенесения в реальность литературных образов и схем была очевидна уже в пушкинскую эпоху. Сам Пушкин предостерегал против «олигературирования» жизни в «Евгении Онегине» и в «Повестях Белкина». Ясно, что счастье, равно как и несчастье — понятия на редкость шаткие, индивидуально понимаемые, и далеко не всегда дальнейшая судьба благодетельствованной возлюбленной складывалась так, как предполагалось, например, как у Лотты из «Страданий юного Вертера» Гёте или Юлии д'Этанж из «Новой Элоизы» Руссо. И личное страдание, на которое поэт обрекал себя добровольным отказом от любви, ни в какой мере не облегчало ситуации, наоборот — делало ее трагически безысходной. Так, часто расходятся желаемое и действительное, не позволяя реализоваться самым благим намерениям. По истечении исторического срока, отпущенного на господство сентименталистских идей, способ устроить жизнь любимого человека, а заодно и свою собственную, наотрез отказавшись от общего счастья, не канул в Лету. Им эффективно пользовались и в более поздние эпохи, правда, с некоторыми поправками, свойственными времени. Добровольный уход, добровольное принятие страданий, добровольное изгнание из рая — запоздалое раскаяние, пожизненное сожаление, вечная тема для творчества. В таком заколдованном кругу вращаются сюжеты этой главы.

Голос с того света

**Василий Жуковский
и Мария Протасова**

*Wo ich sei, und wo mich hingewendet,
Als mein flüchtiger Schatten dir entschwebt?
Hab`ich nicht beschlossen und geendet,
Hab`ich nicht geliebet und gelebt?*¹

F. Schiller

марте 1815 года Василий Андреевич Жуковский написал Марии Андреевне Протасовой, одно за другим, несколько бесконечных, исполненных драматизма писем. Стоит внимательно вчитаться в их строки, для того чтобы представить себе душевное состояние писавшего, услышать его голос, погрузиться в атмосферу сложного семейного конфликта, из которого не было и не могло быть выхода. Письма Жуковского, конечно, литературны — бросаются в глаза риторические приемы и стилистические ходы, характерные для эпистолярной прозы той эпохи, к которой принадлежит их автор. Но эти особенности языка не отменяют ни глубины его переживаний, ни искренности чувств, которые то и дело выплескиваются в его страстных признаниях и призывах. Поэт сооб-

---

¹ Где я была и куда меня повели,
Когда моя легкая тень окутала тебя?
Разве я не завершила и не закончила,
Разве я не любила и не жила? (нем.).

шал своей возлюбленной, что ради ее счастья отказывается от дальнейших притязаний на нее, и предлагал отныне новую, идеальную форму отношений. Он приносил в жертву ее благополучию и спокойствию свою годами взлелеянную любовь, для которой больше не оставалось никаких надежд. И сам то находил в себе недюжинные нравственные силы для исполнения этого решения, то падал духом и ощупью продвигался дальше по той дороге, по которой, казалось, уже некуда было идти.

Мария Андреевна Протасова, адресат многих писем Жуковского, приходилась поэту близкой родней. Она была дочерью его единокровной сестры Екатерины Афанасьевны Буниной (в замужестве — Протасовой), то есть фактически его племянницей. О происхождении Жуковского рассказывать подробно, вероятно, не стоит — широко известен тот факт, что, как и у его младшего современника А. С. Пушкина, оно было экзотическим. Отец Жуковского — русский помещик из дворянского рода Буниных, мать — пленная турчанка Сальха, которая при крещении была наречена православным именем Елизавета, а потом получила и русскую фамилию — Турчанинова. История детства, взросления и обретения под ногами почвы мальчиком, испытавшим на опыте разнообразные последствия этой далеко не романтической ситуации, довольно драматична, запутанна и пересказана здесь быть не может. Стоит, вероятно, только отметить, что Жуковскому жилось не очень сладко. В семье Бунина «он был как свой, но чувствовал, что не свой»¹. Первоначальное обучение его складывалось не весьма удачно — учителя не видели в нем способностей, рос и воспитывался будущий поэт преимущественно на чужих руках, ни титул, ни состояние не были им, по понятным причинам, унаследованы. Судьбу его решил удачный выбор учебного заведения, в котором Жуковский нашел близких друзей, круг которых если и не сформировал его, то во всяком случае заложил основание будущей личности и будущего призвания. В 1797 году Жуковский был принят в одно из лучших учебных заведений России — Благородный пансион при Московском университете.

Так случилось, что после блестящего окончания Пансиона, уже осознав неизбежность поэзии как главного дела жизни, пережив крах на государственной службе, которая

---

¹ *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918. С. 43.

никак не соответствовала интересам и устремлениям юного поэта, Жуковский покинул Москву и оказался в одном имении со своей единокровной сестрой Екатериной Афанасьевной Протасовой. Не имея возможности после смерти мужа нанять своим двум малолетним дочерям домашних учителей, она попросила брата выступить в этой роли. Он не получал никакого жалованья, но сам выбирал предметы для занятий и составлял программы. Деятельность эта захватила Жуковского. Много позже станет очевидным, что он обладал подлинным педагогическим даром, сравнимым разве что с поэтическим.

В 1802 году, когда Жуковский впервые приступил к занятиям с двумя девочками — девятилетней Марией и семилетней Александрой, — ему не было еще и двадцати. Потом последовал перерыв, длившийся несколько лет, занятия были возобновлены тогда, когда можно было всерьез говорить о развитии подрастающих племянниц, формировании их вкуса и нравственности. Он занимался с ними историей — читал Геродота и Тацита, а также философией, словесностью, эстетикой, натуральной историей. Сам Жуковский учился вместе с племянницами тому, что не успел освоить раньше. Отношения между ними были родственными и очень демократическими. Девочки обращались к нему на «ты». Это положение дяди, по возрасту вполне походившего на старшего брата, гувернера, учителя, духовного наставника, необыкновенно сблизило их. В дневнике Жуковского по поводу уехавшей ненадолго Марии читаем: «Что со мною происходит? Грусть, волнение в душе, какое-то неизвестное чувство, какое-то неясное желание! Можно ли быть влюбленным в ребенка? Но в душе моей сделалась перемена в рассуждении ее! Третий день грустен, уныл. Отчего? Оттого, что она уехала! Ребенок! Но я себе ее представляю в будущем, в то время, когда возвращусь из путешествия, в большем совершенстве! Вижу ее не такую, какова она теперь, но такую, какова она будет тогда, и с некоторым нетерпением это себе представляю. Это чувство родилось вдруг, от чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось. Я им наполнен, оно заставляет меня мечтать, воображать будущее с некоторым волнением; если оно усилится, то сделает меня лучшим, надежда или желание получить это счастье заставит меня думать о усовершенствовании своего характера; мысль о том, что меня ожидает дома, будет поддерживать и веселить меня во время моего путешествия. Я был бы с нею счастлив конечно! Она умна, чувствительна,

она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности. Но может ли это быть?»¹ Этот вопрос начинает мучить Жуковского фактически одновременно с возникновением его чувства к Марии Протасовой. Главным препятствием уже тогда ему представляется К. А. (сестра Катерина Афанасьевна), внутреннее сопротивление которой он предугадывает. И — не напрасно.

Следуя своей программе — а Жуковский был человеком чрезвычайно последовательным, — он впервые переговорил с сестрой на волнующую его тему в 1807 году. Маше в это время шел 15-й год, и речь велась скорее о будущем, но отпор, который он встретил, был вполне настоящим. Близкое родство представлялось Екатерине Афанасьевне непреодолимой преградой. Она была религиозна и тоже весьма последовательна. Возможно, ее резкий и не терпящий возражений отказ предопределили и другие, более прозаические причины, но они во всяком случае не назывались. Жуковский тоже был человеком религиозным, более того — сосредоточенным на нравственных и этических вопросах, отчаянно рефлексирующим, находящимся в непрерывном процессе самосовершенствования. Эту науку он усвоил еще в Пансионе — университетское сообщество было преимущественно масонским, к масонскому миру принадлежали и ближайшие друзья Жуковского, братья Тургеневы, сыновья директора Московского университета, человека из круга знаменитого просветителя и масона Н. И. Новикова. Стремление планомерно изменять себя к лучшему, становиться достойным будущего счастья, в случае неудачи смиряться с ударами судьбы и стойко переносить лишения, принимая тяжесть и страдание как благо — все это тоже входило в программу его жизни, замечательно точно выраженную в одной из его хрестоматийных баллад:

С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.

Стремление «возвышаться душою», что бы ни посылал рок, и возвышать близких, прежде всего возлюбленную

---

¹ Жуковский В. А. Дневники. Запись от 9 июля 1805 года // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804—1833 гг. М., 2004. С. 15.

ученицу, никогда Жуковского не покидало. И если бы его намерения жениться на Маше хоть на секунду показались бы ему грешными и не соответствующими «великой мысли», он бы от них незамедлительно отказался. Но вся беда и состояла в том, что он нисколько этого не ощущал, наоборот, был абсолютно уверен в правильности своего выбора и неотменимости будущего счастья, если бы только оно было реализуемым. Укрепляла его в этом убеждении и сама Маша, которая ответила на его чувство глубокой и серьезной взаимностью. Екатерина Афанасьевна пыталась представить дело в ином свете, утверждая, что любовь эта — выдумка брата, которому как поэту необходимо черпать откуда-то вдохновение, а дочь вовсе свободна от всякого чувства. В этой позиции был, вероятно, и спасительный самообман: какая мать захочет делать свою дочь заведомо несчастной?

Летом 1810 года начался новый период во взаимоотношениях Жуковского с семьей Протасовых. Они стали соседями. Екатерина Афанасьевна с дочерьми переехали в село Муратово, в котором дом для нее построил по собственному плану и на собственные средства Жуковский. Сам он поселился в деревне Холх, неподалеку от сестры. Тогда же, судя по всему, Маша впервые узнала о любви своего наставника и его планах на их общее будущее. В начале 1812 года поэт сделал первое официальное предложение Маше и получил официальный категоричный отказ ее матери. Однако не сдался. И даже во время военной кампании 1812 года, участником которой он стал, помнил, что ему требуется сломить сопротивление сестры, и работал над этим: использовал личные связи, заручался поддержкой влиятельных лиц, в том числе и лиц духовного звания, сосредоточенно и целеустремленно боролся за исполнение своего плана. Несколько позже согласие на брак Жуковского с Марией Протасовой дал сам митрополит Московский Филарет (Дроздов), что, правда, никоим образом не повлияло на решение Екатерины Афанасьевны. Рамки ее православных убеждений были куда более узкими, чем митрополитовы.

Начавший войну в московском ополчении, Жуковский вскоре оказался в канцелярии штаба Кутузова. Как раз тогда он и стяжал не столько воинскую, сколько поэтическую славу: во время похода было написано стихотворение «Певец во стане русских воинов», которое сделало его первым русским поэтом. Среди прочего есть в этом обширном тексте фрагмент, посвященный любви. С очевидностью можно предположить, что он писался с мыслью о Маше:

Ах! мысль о той, кто все для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный;
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана, и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!
О сладость тайных мечты!
Там, там, за синей далью, —
Твой ангел, дева красоты,
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы льет;
Душа ее в молитве,
Боится вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружный глас,
Твои мне слышать звуки?»
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».
Друзья! блаженнейшая часть:
Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем
В минуты смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
С той нет и там разлуки:
Туда душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не все возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

Понятно, что образы этого стихотворения тесно связаны с военной темой, отсюда нагнетание предчувствия смерти и рассуждения о любви, продолжающейся и за могилой. Было в этом стихотворении и обычное для Жуковского размышление об отношении жизни земной к жизни небесной, которые неотделимы друг от друга. Но, зная, как сложилась в дальнейшем судьба Маши Протасовой, не-

вольно чувствуешь в них пророческие ноты. Поэт словно готовит себя к вечной разлуке.

В 1813 году в эту историю вторгается человек, которому, по замыслу Жуковского, предстояло сыграть в ней свою благотворную роль. Это соученик поэта по Благородному пансиону, друг и единомышленник, тоже поэт Александр Воейков. Воейков, посетивший Жуковского в Холхе и познакомившийся с семейством Протасовых, проявил живейшее участие к жизненной коллизии друга и предложил свою посредническую помощь. Помощь эта должна была стать особенно действенной после женитьбы Воейкова на младшей сестре Маши — Александре. В отличие от Маши, восемнадцатилетняя Александра Протасова была очень хороша собой и без труда пленила тридцатипятилетнего Воейкова. Удивительно то, что сама она тоже им пленилась. Впоследствии об этой семейной паре писал их современник Ф. Ф. Вигель: «Совершенная разница в наружности, чувствах, обхождении супругов, конечно, бросалась в глаза: он был мужиковат, аляповат, неблагороден; она же настоящая Сильфида, ундина, существо неземное...»¹ Пленилась им не только Александра, но и ее мать, Екатерина Афанасьевна, с радостью принявшая сделанное ее дочери предложение руки и сердца. Обе впоследствии «дорого, горем целой жизни»² заплатились за свое ослепление. Поплатился и легковверный Жуковский, против которого Воейков стал интриговать, как только вошел в семью Протасовых. Ситуация осложнилась еще больше.

В 1814 году Жуковский снова сделал предложение Маше и снова получил категорический отказ ее матери. Вскоре Протасовы вместе с Воейковым, получившим место ординарного профессора в Дерптском университете, перебрались в Дерпт. Жуковский с разрешения сестры тоже отправился вслед за ними. Но не прошло и месяца, как Екатерина Афанасьевна потребовала от него скорейшего отъезда и прекращения всяких сношений с Машей. На этот раз аргументом было стремление сохранить незапятнанной репутацию дочери. Жуковский этим доводам не верил. Он тянул еще месяц перед тем, как решился покинуть Дерпт, куда приехал вслед за своей возлюбленной и где намеревался жить рядом с ней, где ему понравилось и казалось естественным

---

¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 374.

² Елагина Е. И. Семейная хроника // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М., 2005. Т. 14. С. 296.

остаться и работать, пользуясь богатствами университетских библиотек. Здесь он собирался начать совершенно новую жизнь, полную тихого труда и семейных радостей, отложив на неопределенное время свои надежды на счастье, довольствуясь ролью брата или, как он сам говорил, «отца» Маши. Теперь всем этим надеждам был положен конец.

На прощанье они обручились — тайно обменялись кольцами в знак вечной любви. Разлученные влюбленные переписывались, передавали друг другу письма через общую конфидентку и родственницу Авдотью Киреевскую, которой каждый писал о своих переживаниях; кроме того, они вели дневники для самих себя и друг для друга, и эти дневники отражали их повседневность, не столько бытовую, сколько духовную. Мысли, воспоминания, надежды на будущее, планы, сиюминутные впечатления, философские и этические размышления наполняли эти записи, предназначенные для глаз alter ego, человека, не просто близкого, но слепленного из того же теста. Это фактически так и было: Маша во многом была созданием Жуковского, его Галатеей. Она поддерживала его в письмах примерно теми же самыми доводами сердца и рассудка, которые использовал и он: «Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten¹. Это так верно, и я так уверена, что это будет, что смотрю на теперешнюю жизнь, как на срок, который мне дан, чтобы приготовиться к счастью, чтобы иметь возможность сказать: теперь я его достойна! и достойна делать счастье ангела! О! моя жизнь мне драгоценна — и я берегу ее как твою принадлежность, которую некогда должна буду тебе возратить! Базиль, чего нам бояться!»² Сама Маша больше всего боится за творческие возможности своего суженого. У Жуковского, действительно, способность к творчеству как будто напрямую зависела от душевного состояния: если он впадал в отчаяние, что, видимо, случалось в эту пору нередко, то писать совсем не мог. Как только появлялась надежда на благополучный исход, стихи лились из-под его пера. Маша беспокоилась: «Я не только причина всех твоих горестей, но даже и этого мучительного ничтожества, кото-

---

¹ Одно единственное мгновение может все преобразить (*нем.*) — чтобы поддержать возлюбленного, Маша повторяет здесь его любимый стих из «Оберона» Виланда.

² Протасова М. А. Письмо В. А. Жуковскому, 15 сентября 1814 г. // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. С. 87.

рое отымает у тебя будущее, не давая в настоящем ничего, кроме слез. — Итак, занятия! непременно занятия. В одной книжке ты сказал, что оно будет для тебя драгоценно, потому что твоя слава будет моя; я надеюсь на твои обещания»¹.

Перед отъездом Жуковского из Дерпта между ним и Екатериной Афанасьевной произошел еще один важный разговор. Мать Маши заговорила о необходимости выдать ее замуж. «Я прибавил: надобно, чтобы ты была счастлива», — пишет Жуковский Маше. Осознав в полной мере бесполезность уговоров, ощутив в глубине души холодок безнадежности, Жуковский хотя все еще говорит о своих будущих планах, но на самом деле уже готовит себя к худшему. Это худшее — возможное Машино замужество. Развивая эту мысль как философ, Жуковский очень рассудителен: «Послушай, друг! Нет ничего лучше семейственного счастья, и ты должна его иметь. Я одного только боюсь, именно, чтобы не случилось то, от чего я своим пожертвованием тебя хотел избавить. Если тебе сделают насилие и ты выйдешь замуж не только без склонности, но еще и сохранив противное чувство, — и если я еще должен буду этого быть свидетелем — тебе должно освободить сердце для счастливого замужества; отдать себя другому с надеждою, что будешь с ним счастлива, — одним словом, сделать из себя всё то, чтобы быть готовою для семейного счастья, но никак не жертвовать собою!» В программу жизни, выстроенную для себя Жуковским, это поучение хорошо вписывается. Однако для того, чтобы его выполнить, Маше нужно сделать над собой последнее усилие: «Чтобы иметь эту готовность быть счастливою с другим, ты должна приучить себя смотреть на меня другими глазами, видеть во мне брата, друга, который этого же счастья за тебя желает, но для меня же и из уважения к своей должности ты должна стараться, чтобы замужество было для тебя счастьем драгоценным, а не бедствием, с которым ничего на свете не сравнится»². Это — в теории. На практике всё получилось совсем иначе.

Жуковский приехал в Петербург в мае 1815 года и был встречен там шумно и радостно; его слава уже дала ростки, и репутация первого поэта России утвердилась, его ждали друзья, его окружали единомышленники, он уже был авторитетом в своем кругу. Вскоре Жуковский был принят им-

---

¹ Протасова М. А. Письмо В. А. Жуковскому, 15 сентября 1814 г. // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. С. 89.

² Запись В. А. Жуковского, 15 апреля 1815 г. // Там же. С. 104.

ператрицей. Появилась возможность издать собрание собственных сочинений. Но никакие творческие, карьерные и светские успехи не могли удержать его в столице, при первой же оказии (Александра Воейкова родила дочь) он сорвался и уехал в Дерпт, где провел больше месяца, вернулся в Петербург в расстроенном состоянии. Что-то на глазах разлаживалось, он чувствовал, что теряет Машу. Осенью 1815 года Жуковский получил от нее письмо о предстоящем замужестве. Предполагаемый жених, И. Ф. Мойер, хирург, ординарный профессор медицины Дерптского университета, человек очень положительный и достойный, уже не первый раз сватавшийся за нее, был избран ею добровольно, и Маша «как у отца» просила благословения Жуковского на этот брак, следуя его собственному завету: «Я имела случай видеть его благородство и возвышенность его чувств и надеюсь, что найду с ним совершенное успокоение. Я не закрываю глаза на то, чем я жертвую, поступая таким образом; но я вижу и все то, что выигрываю. Прежде всего я уверена, что доставлю счастье моей доброй маменьке, доставив ей двух друзей. Милый друг, то, что тебя с ней разлучает, не будет более существовать. В тебе она найдет утешителя, друга, брата. Милый Базиль! Ты будешь жить с ней, а я получу право иметь и показывать тебе самую нежную дружбу, и мы будем такими друзьями, какими теперь все быть мешает. Не думай, ради Бога, чтобы меня кто-нибудь принуждал на это решиться...»¹ На это простое и наивное признание она получает многостраничный ответ, который датируется сразу несколькими днями — Жуковский писал и не мог остановиться. Он решительно не хочет верить Маше, убежден в насильственности принимаемого ею решения и благословения своего не дает: «...Ты бросаешься в руки Мойеру потому, что тебе другого нечего делать! Тебя тащут туда насильно, и еще ты же должна говорить, что ты счастлива! а я вслед за тобою, как твой отец, говорить то же! Нет! как твой отец, я не могу на это *теперь* согласиться». И далее: «Если замужеством своим ты надеешься дать мне семейное счастье и возвратить меня в свою семью — эта надежда совершенно пустая. <...> Пожертвовав собою, не думай из меня сделать ей друга — этим не заманишь меня в ее семью! Скорей соглашусь двадцать раз себе разбить голову, нежели искать места в этой семье! Какими глазами буду

---

¹ Протасова М. А. Письмо В. А. Жуковскому, 8 ноября 1815 г. // Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. СПб., 1883. С. 96.

смотреть на нее! Какое чувство буду иметь к ней в своем сердце! Я не постигаю, как могла придти тебе в голову такая мысль и за кого ты меня считаешь! Но скажи мне, чего она боится? За что хочет убить тебя? Неужели надеется найти в аптеках лекарство от твоих болезней, которые сама производит?» Поразительно, сколько страсти в этих строках, сколько отчаяния, сколько неутолимой обиды, ревности и горячего стремления отговорить, уговорить Машу, любыми способами отменить готовящийся брак, отстоять свое право быть женихом, братом, отцом, кем угодно, но только имеющим власть сказать свое последнее слово: «Я не могу согласиться на замужество твое, *теперь* не могу!»¹ Всё это, кажется, совершенно не похоже на Жуковского, на его прежние письма, исполненные иногда меланхолической грусти, иногда светлой надежды, но всегда сохраняющие равновесие между осознанием тяжести испытания и внутренней необходимостью его достойно перенести.

Состояние Жуковского в это время хорошо отражает стихотворение «Голос с того света» — вольный перевод Шиллера. Хотя главная мысль Шиллера (*Eine Geisterstimme*²) и заимствована Жуковским, но в целом он меняет содержание и привносит много своего личного, что легко отделить от общелитературного:

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...
О друг, я все земное совершила;
Я на земле любила и жила.
Нашла ли их? Сбылись ли ожидания?
Без страха верь; обмана сердцу нет;
Сбылось все; я в стороне свиданья;
И знаю *здесь*, сколь *ваш* прекрасен свет.
Друг, на *земле* великое не тщетно;
Будь тверд, а *здесь* тебе не изменят;
О милый, *здесь* не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.
Не унывай: минувшее с тобою;
Незрима я, но в мире мы одним;
Будь верен мне прекрасною душою;
Сверши *один* начатое *вдвоем*.

---

¹ Жуковский В. А. Письмо М. А. Протасовой, 27—28 ноября 1815 г. // Жуковский В. А. Сочинения: В 2 т. М., 1902. Т. 1. С. 415—420.

² Голос призрака (*нем.*).

В этом стихотворении Жуковский пытается примирить непримиримое: земной страдальческий удел с небесным блаженством. Это стремление, обозначающее для поэта высшее совершенство человеческого духа, всегда в нем было. Трагический разлад, восприятие земной жизни как юдоли страданий он считал греховным и пытался в себе преодолеть — то более, то менее успешно. В этом стихотворении, однако, есть и другой мотив: разлука с возлюбленной теперь для Жуковского равносильна смерти, он осознает безвозвратность утраченного. Собственно равносильным смерти в этот момент чрезвычайного душевного напряжения поэт ощущает предстоящий брак Маши. Но как удивительно эта элегия предвосхитила дальнейшее! Мотив могилы, характерный для унылой поэзии начала XIX века, у Жуковского устойчиво связывается с женским образом, с утратой возлюбленной, с мотивом ее постоянного оплакивания и необходимостью смириться с ее преждевременной смертью и одному совершать дальше свое земное поприще. Приведенное стихотворение не единственное в этом ряду. Знаменитая элегия «Теон и Эсхин», написанная в 1814 году, описывает совершенно аналогичную ситуацию:

Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,
Уже одиноким не будет...
Ах! свет, где *она* предо мною цвела, —
Он тот же: все *ею* он полон.
По той же дороге стремлюся один
И к той же возвышенной цели,
К которой так бодро стремился вдвоем —
Сих уз не разрушит могила,
Сей мыслью высокой украшена жизнь...

Всякий истинный поэт обладает печальным провидческим даром, и образ ранней могилы в стихах Жуковского приобрел с течением времени вполне реалистическую окраску.

С момента получения письма Маши, в котором она испросила его благословение на свой брак с Мойером, Жуковский не знает покоя. Он не верит, что его возлюбленная могла так быстро забыть прошедшее, подчиниться обстоятельствам, отказаться от любви, которая, казалось, вечно будет соединять их. С одной стороны, он склонен думать, что мать или Воейков принуждают Машу к этому браку.

С другой — мысль о действительной перемене Машиных чувств не дает ему покоя. В конце концов, искать согласия с самим собой Жуковский отправился в Дерпт в январе 1816 года, желая лично разобраться в ситуации и познакомиться с предполагаемым женихом Маши, с которым пока он неистово боролся заочно. И тут произошло чудо: Мойер понравился Жуковскому. Стало очевидно, что Маша не обманывала его, она и вправду привязалась к своему жениху, человеку не просто порядочному, но близкому ей по духу, напоминающему ей Жуковского. Кроме того, она всей душой стремилась вырваться из-под деспотической власти своего зятя А. Ф. Воейкова, который постепенно превратил жизнь семьи Протасовых в кромешный ад. Особенно страдала сестра Александра, в том числе и от поведения мужа в отношении Марии. Хотя определенно трудно сказать, кто страдал больше: доставалось всем, и матери, и дочерям. Замужество Маши должно было хотя бы отчасти положить конец этой тирании. Говорить о радикальной перемене чувств Маши к Жуковскому не приходится, что будет отчетливо видно из дальнейших событий. Однако в этой ситуации ему нужно было отойти в сторону, и Жуковский постарался сделать это так, чтобы не разрушить ни собственных отношений с Машей, ни ее хрупкого покоя, которым дорожил.

В апреле 1816 года Жуковский снова приехал в Дерпт и за исключением нескольких отлучек в Петербург пробыл там целый год. «Ему хотелось вдвоем с Мойером сострять счастье Маши, пожить утопией платонического “ménage en trois”¹, напоминающего отношения Гёте к Шарлотте и Кестнеру. Гёте освободился от них поэтическим актом, создав “Вертера”; для Жуковского они были испытанием, страдой воли»².

14 января 1817 года Мария Андреевна Протасова и Иоганн (Иван) Филиппович Мойер обвенчались. Жуковский был на свадьбе и еще некоторое время после нее провёл в Дерпте. Оттуда писал А. И. Тургеневу: «Свадьба кончена, и душа совсем утихла. Думаю только об одной работе»³. Однако на самом деле это не было успокоением. Нужно

---

¹ Любовь втроем (*фр.*).

² *Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения»*. С. 194.

³ *Жуковский В. А. Письмо А. И. Тургеневу, вторая половина января 1817 г. // Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 171.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru